

Метаморфозы Минского антифашистского подполья

Валерий НАДТАЧАЕВ,
военный историк

Писатель Иван Новиков в своей документальной повести «Руины страляюць ва ўпор» утверждал, что основной причиной провала Минского подполья весной 1942 года явилась полная его расконспирация и беспечность участников, а к массовым арестам патриотов привело предательство со стороны Антохина, Белова и Рогова, возглавлявших Военный совет партизанского движения. В подтверждение тезиса он выдвинул следующие факты. Антохин выдал полиции явочную квартиру, на которой находились Василий Жудро и Александр Макаренко. Подпольщики оказали вооруженное сопротивление. Началась перестрелка, в ходе которой Жудро получил ранение, но, тем не менее, сумел оторваться от преследователей и добраться к своим. Ему сделали операцию, но, видимо, было поздно – он умер. Старший лейтенант Макаренко отстреливался до последнего патрона. Последнюю пулю оставил для себя. А незадолго до этого тот же Макаренко, находясь в партизанском отряде, допрашивал Белова, который затем, как изменник, был расстрелян [1, с. 144–158].

Вот так просто и незамысловато объяснил причины провала И. Новиков, облачив в художественную форму выводы, сделанные до него отдельными подпольщиками, со-

Окончание. Начало в №№ 8, 9 за 2013 год

трудниками МГБ БССР, историком В. Давыдовой и др. Стоит ли критиковать писателя за это? Только в том случае, если он умышленно искажил историческую правду.

Предлагаю рассмотреть факты, на которые, по всей видимости, ни Давыдова, ни Новиков, ни другие исследователи не обратили внимания. Подпольщики обычно собирались на одних и тех же квартирах, где кто-то из них же и проживал. Немцы устраивали там засаду и за несколько дней, как правило, задерживали большую часть активистов. Так было весной 1942 года, когда подпольщики один за другим шли на проваленную явку по ул. Чкалова, 34. Все, к сожалению, повторилось и осенью того же года.

Вот что по этому поводу заявил член Минского подпольного горкома А.Л. Котиков во время допросов в МГБ БССР в 1946 году: «Под воздействием пыток Иван Макарович сознался в принадлежности к Военному совету, выдал его членов, привел гестаповцев на квартиру к Глухову, проживавшему в штаб-квартире Военного совета по улице Чкалова, д. 34, где гестаповцы арестовали Глухова и устроили там засаду на трое суток. За это время гестаповцы арестовали до 50-ти подпольщиков, приходивших в штаб-квартиру» [2].

Одним из арестованных по указанному адресу был Фомин. По словам Котикова, «Фомин по возвращении из района Ратомки, куда посылался Военным советом для организации партизанского отряда, на улице Чкалова, д. 34 был арестован гестапо. На следствии вел себя хорошо, дал согласие работать в качестве агента и из-под стражи был освобожден. Аккуратно выполнял задания гестапо, за что они ему предоставили жилой дом с обстановкой...» [2].

С началом арестов опытные подпольщики, как правило, «ложатся на дно», переходят на запасные явки и т.д. «Засвеченные» же

ОБ АВТОРЕ

НАДТАЧАЕВ Валерий Николаевич.

Родился в 1959 году. Окончил Минское суворовское военное училище (1977) и Ульяновское гвардейское высшее военное танковое командное училище (1981).

С 1981 года проходил службу в должностях командира взвода, командира роты в Средне-Азиатском военном округе Вооруженных Сил Советского Союза. С 1985 года – на различных должностях в органах КГБ СССР, затем – Комитета государственной безопасности Беларуси.

Последняя занимаемая должность – начальник центра информации и общественных связей КГБ Республики Беларусь.

Полковник запаса.

Автор книги «Военная контрразведка Беларуси. Судьбы, трагедии, победы...» (2008), соавтор сборника очерков об истории КГБ Беларуси «Щит и меч Отечества» (2006).

явки обозначаются ими каким-то условленным сигналом: переставляют горшки с цветами, закрывают (открывают) форточки, ставят метки на заборах или зданиях... В общем, предупреждают своих товарищей об опасности. Недооценка противника, а порой и пренебрежение требованиями конспирации действительно имели место в минском подполье, что, как отмечалось выше, облегчало проникновение немецкой агентуры в лагерь подпольщиков. При этом не следует забывать: под маской агентов выступали их вчерашние сослуживцы, соседи, коллеги по работе. Например, для Бурцева Рудзянко был товарищем по оружию, они вместе лечились в госпитале, в разное время бежали оттуда. Поэтому Бурцев без колебаний познакомил Рудзянко с одним из руководителей минского подполья Константином Хмелевским. Но на этот аспект, как правило, историки не обращают внимания.

Серьезные обвинения в предательстве, причем подкрепленные показаниями свидетелей и немецким отчетом, были предъявлены И.И. Рогову. Одним из обвинителей выступал его соратник по подполью Котиков. Однако его показания основаны на информации, полученной им от других людей, а потому уже невольно искажены.

«В апреле 1942 г. гестаповцами были арестованы Рогов и заместитель председателя Военного совета «Сергей», – утверждал Котиков. – В гестапо Рогов сознался в принадлежности к подпольным партийным организациям, после чего в течение нескольких дней водил гестаповцев по городу для выдачи им подпольщиков. Мне известно, что Рогов в районе бетонного моста выдал Белова, Суровягина и Гришу, фамилию не помню, старшего лейтенанта, члена ВКП(б), орденосца (вероятно, речь идет о Григории Глухове. – *Авт.*). «Сергей» также с гестаповцами ходил по городу и выдавал известных ему подпольщиков. Белова гестаповцы пытались арестовать еще в марте 1942 г., но неудачно. На квартиру Белова на Извозную улицу, номер дома не знаю, гестаповцев в ночное время приводил Иван Макарович для его ареста. При входе гестаповцев в квартиру, он через запасный ход выбежал в нижнем белье и скрылся от них» [2].

Необходимо отметить, что полиция широко практиковала конвоирование арестованных подпольщиков по городу с целью выявления других участников подполья. При-

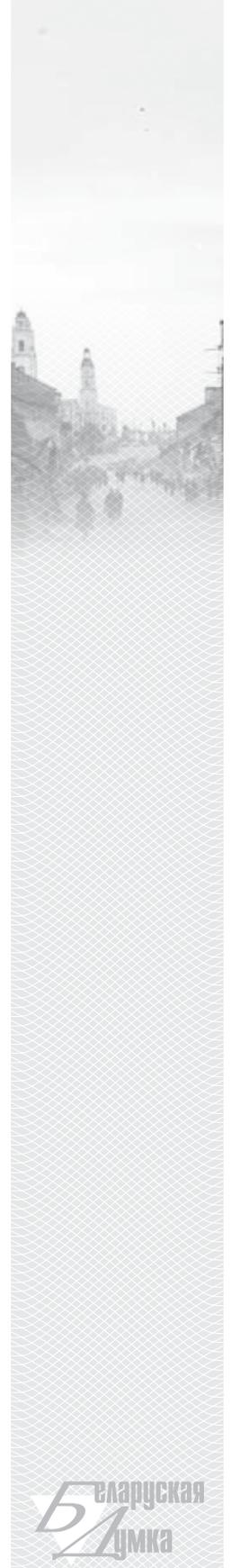
чем независимо от того, соглашались они помогать немцам или нет. Именно поэтому такой конвой не может однозначно трактоваться как факт предательства. Ни Котиков, ни Гвоздев не считали себя предателями, хотя их тоже водили по городу полицейские.

Конвоированию, кстати, подвергались и П.П. Суровягин, и Е.К. Горица, и другие затем казненные фашистами участники минского подполья. Также гитлеровцы на машинах доставляли арестованных подпольщиков на конспиративные или явочные квартиры, которые были выданы им провокаторами, чтобы создать у людей впечатление, что эти квартиры выдал находящийся в их руках подпольщик [3, с. 137].

Источником информации для Котикова, как видно, являлся сотрудник управления полиции безопасности Лаздыш. При этом следует учитывать: Лаздыш допрашивал Котикова. Логично предположить, что он, склоняя последнего к сотрудничеству, пытался показать ему бесперспективность борьбы против нового порядка, возможно, при этом умышленно оговорил отдельных подпольщиков, чтобы сделать его более сговорчивым.

«Лаздыш мне также говорил, – вспоминал Котиков, – что Рогова предала его машинистка, являвшаяся агентом СД. Он очень быстро в гестапо приспособился к обстановке, даже с гестаповцами, и в частности с ним, выпивал. После дачи Роговым согласия работать с немецкими разведчиками ему выдали оружие, освободили из-под стражи и поселили в общежитие с гестаповцами-латышами. Впоследствии Рогову было поручено задание (какое Лаздыш не сказал) и для его выполнения его из гестапо направили в город. **Находясь в городе Минске, Рогов задание гестапо выполнять не стал. Где-то на окраине города в деревне Столовая пытался организовать партизанский отряд и вести борьбу против немцев. Гестаповцами Рогов был выслежен и арестован. При аресте у него изъяли новые поддельные документы, изобличили в измене и расстреляли»** (выделено мною. – *Авт.*) [2].

В самом деле, немецкие спецслужбы практиковали выдачу оружия своим агентам. Данный факт косвенно свидетельствует о вербовке Рогова. Но дальнейшее его поведение не вписывается в образ человека, добровольно предавшего своих товарищей. Как офицер, он не мог не понимать, что со-

вершил преступление, перейдя на сторону врага. Выявленная коллизия требует того, чтобы разобраться, определить круг людей, которых он вроде бы предал.

По словам бывшего следователя немецкой полиции В. Арайса, в Минске СД была вскрыта подпольная организация и арестовано около 30 человек. Ему приходилось допрашивать «руководителя этой организации Рогова Степана, который выдал всех участников организации и рассказал об их деятельности [2]. Однако эти утверждения Арайса ничем не подтверждены.

В сообщении полиции безопасности и СД № 187 от 30 марта 1942 года приводится следующее: «В результате операции против руководства партизанским движением в Белоруссии 25.03.1942 удалось арестовать начальника партизанского движения, а также начальника штаба и 50 партизан. Из допроса руководителя партизанским движением выяснены места отдельных групп, фамилии руководителей групп, так что вскоре будет возможно обезвредить большие части партизанского движения Белоруссии» [4, л. 117]. В отличие от показаний Арайса, в немецком сообщении указаны 50 человек, а не 30, и не называется фамилия Рогова.

С одной стороны, из сообщения можно сделать вывод, что скорее всего именно Рогов помог немцам «выяснить места отдельных групп и фамилии», т.е. предал своих товарищей. Но не будем забывать о том, что немцы заблаговременно получили списки подпольщиков и в ходе допроса могли предъявить их Рогову, на очной ставке против него также могла свидетельствовать машинистка, агент Федор Хохлов. В этом случае Рогов стоял перед выбором: продолжить все отрицать или согласиться с неопровержимыми фактами. Есть еще один нюанс. В немецком сообщении «Из оккупированных восточных областей» за № 2 от 8 мая 1942 года фигурирует цифра 9 партизанских групп. В свою очередь, В. Давыдова ссылалась на приказ по Военному совету № 003 от 14 октября 1941 года, согласно которому было назначено 16 руководителей и командиров партизанских групп и отрядов. Если по состоянию на 14 октября 1941 года уже было назначено 16 командиров, то сколько их назначили до мартовских арестов 1942-го? Но немцы, повторю, оперируют только цифрой 9. Из этого логично сделать вывод, что Рогов на

допросах «признался в очевидном» или подтвердил только те сведения, которые стали известны немцам из других источников и отрицать которые не было никакого смысла. Тем самым он скрыл информацию о реальном количестве групп и отрядов. К тому же немецкие документы не дают ответов на вопросы: какие 3 партизанских отряда или группы были разгромлены? Где они дислоцировались? Или речь идет о трех группах в Минске, перечисленных в сообщении № 2 от 8 мая 1942 года? Не указаны и фамилии людей, которых якобы предал Рогов.

Ценность приведенного выше сообщения полиции безопасности и СД № 187 для нашего исследования состоит еще и в том, что из него мы узнаем точную дату ареста Рогова, начальника штаба ВСПД Белова и еще 50 неизвестных нам патриотов – 25 марта. И в этом вина Рогова точно нет. Вероятнее всего, подпольщиков арестовали в результате засады на одной из явочных квартир.

Данное сообщение опровергает показания Котикова о том, что на бетонном мосту Рогов выдал Белова. Исходя из формальной логики, мы можем утверждать: Белов совершил побег из-под стражи и прибыл в партизанский отряд Воронянского после 25 марта. Также логично предположить, что побег он мог совершить во время его конвоирования по городу в сопровождении полицейских. Именно так убежали Котиков и Гвоздев. Как известно, Белова расстреляли в отряде. Это могло произойти во временном отрезке, начиная с конца марта по апрель 1942 года. Теперь зададим резонный вопрос: зачем Макаренко и Жудро, зная о провале, пошли на «засвеченную» явочную квартиру? Ведь Белов, как начальник штаба, по всей вероятности знал все явки: в военных организациях начальники штабов курируют связь, разведку, делопроизводство и другие вопросы.

Получается нечто непонятное: Макаренко принимает участие в казни Белова как немецкого шпиона, а затем в компании с членом горкома Жудро идет на явочную квартиру, скорее всего, проваленную, о чем он должен был догадываться. Как известно из повести И. Новикова, Антохин выдал полиции безопасности явочную квартиру, на которой находились Василий Жудро и Александр Макаренко. В любом случае выходит, что время выдачи Антохиным явки и пребывания там Макаренко и Жудро совпа-

дает. Если бы Антохин сообщил о квартире раньше, то немцы устроили бы там засаду. Нам ничего не известно о хозяине квартиры или квартиросъемщике. Возможно, это было место проживания Жудро. И еще немаловажное обстоятельство, выпавшее из поля зрения исследователей. О предательстве Антохина сообщил кому-то из врачей или медсестер смертельно раненный Жудро до или после операции. Был он при этом в бреду или ясной памяти нам неизвестно, как и неизвестно, насколько верно его поняли, а потом передала услышанное остальным подпольщикам.

На предательство Рогова указывал командир чекистской спецгруппы А. Гвоздев: «27 марта 1942 г. на Молочном переулке я был схвачен работниками немецкого органа СД и водворен в тюрьму. Обстоятельства ареста были следующие. Утром 27 марта я совместно с Волковым прибыл на Молочный переулок для встречи с Роговым. Когда мы подошли к этому переулку, Волков куда-то отлучился, а я направился дальше, к месту встречи. Когда я прибыл на Молочный переулок, то там находился Рогов. **Я подошел к нему, поздоровался, однако Рогов на мое приветствие не среагировал** (выделено мною. – Авт.). В это время из калитки вышли четыре сотрудника СД, одетые в гражданское платье, схватили меня за руки, произвели обыск и втолкнули в прибывшую туда легковую автомашину. Трое сотрудников СД сели со мной в машину, а один остался с Роговым на Молочном переулке. После этого мне стало понятным, что Рогов является предателем и работает на немцев» [2].

В ходе допросов Гвоздев обвинял Рогова в предательстве и, как следствие, аресте немцами Ковалевского, Волкова и других разведчиков спецгруппы. Волкова немцы расстреляли. Знал об этом Гвоздев или нет, но и в ноябре 1956 года он продолжал заявлять, что «на допросах [в гестапо] Рогов и Волков изобличали его в том, что он прибыл в Минск со специальным заданием, после чего он вынужден был это подтвердить» [2].

Спустя некоторое время, 10 апреля 1959 года, Гвоздев написал открытое письмо в ЦК Компартии Белоруссии, в котором несколько иначе описал факт своего ареста: «... На встречу с Роговым во второй раз я пошел один. В переулке, кроме него, не было видно ни одной души. Это меня смутило, но, все же, подойдя к Рогову, пытался с ним

поздороваться, протянув ему руку. **Он мне руки не подал. Я сообразил, но было поздно** (выделено мною. – Авт.). Из калитки выскочили человек семь в гражданской одежде с оружием и схватили меня...» [5, с. 310]. То, что количество полицейских увеличилось, не столь важно, а вот специально выделенные мною слова свидетельствуют: Гвоздев через годы невольно признал, что Рогов подавал ему знак. Будь тот предателем, он бы поступил прямо противоположным образом.

После освобождения Беларуси органы госбезопасности проводили работу по выявлению карателей, агентуры немецких спецслужб, полицейских из числа местных жителей и других пособников оккупационного режима. Уже в 1948 году Рогов упоминался в документах МГБ БССР как лицо, подозреваемое в сотрудничестве с полицией безопасности и предательстве подпольщиков: «Председатель «военного совета» Рогов, после ареста ездил вместе с работниками СД по городу, выдавал известных ему участников организации и конспиративные квартиры. Впоследствии он немцами был освобожден, однако вскоре вторично арестован и по имеющимся у нас данным расстрелян» [2]. При этом чекисты не конкретизировали, кого именно из активистов подполья выдал Рогов и не стали разбираться, по какой причине он, якобы предавший подпольщиков, стал организовывать партизанский отряд для борьбы с немцами.

Подпольщик Г.Г. Марцинковский также обвинял Рогова в предательстве: «Рогова после ареста через несколько дней выпустили. Ясна его ужасная роль. Он ходил по улицам: с кем заговорит, того забирают переодетые гестаповцы, которые идут сзади Рогова. Мое крыло уцелело благодаря осторожности. О моей группе знали только Олейник и Герасимович. Они погибли, но не выдали ни одного товарища... Рогов долгое время был в Минске, расхаживал по улицам, очевидно, мучила совесть, заходил к семьям повешенных, к Олейнику, Герасимовичу. Обещал не забыть семьи и детей. С июля 1943 г. он из Минска исчез и дальнейшая его судьба неизвестна» [6].

Тестя Марцинковского Петра Олейника и его соратника Герасимовича казнили, но группу Марцинковского они не выдали. Добавим, что и Рогов не выдал ни Марцинковского, ни его группу. И, если он жил в Минске до июля 1943 года, то кто бы ему мешал

предавать и дальше. Ведь в мае 1942-го возобновил работу Минский горком, уцелевших руководителей которого, в частности, того же Котикова, И.К. Ковалева, В.Г. Никифорова, К.Д. Григорьева знал Рогов. Кстати, Григорьев, образно говоря, дезертировал с поля боя, отказавшись участвовать в дальнейшей подпольной работе. До момента освобождения он жил и работал в Минске, а не сидел в немецком концлагере. В отношении Григорьева поступали предложения о ликвидации, но Никифоров воспротивился.

После мая 1942 года о «предательстве» Рогова – ни полслова. По необъяснимой логике подпольщики не пытаются найти его, чтобы покарать. В это время он, якобы мучимый угрызениями совести, навещает семью погибших, а точнее им же «преданных» подпольщиков, обещает не забыть их. Более чем странное поведение для предателя.

Прежде чем подвести итоги исследования версии предательства со стороны Рогова, отмечу: ряд серьезных белорусских исследователей и ученых, таких как Е. Барановский, Г. Кнатко, Т. Антонович, считают, что немцы сначала скомпрометировали, а потом уничтожили все руководство Военного совета [7, с. 18].

Их точку зрения разделил историк М. Антонов: «Не сняты ярлыки предателей с организаторов и руководителей ВСПД: Рогова Ивана Ивановича, Антохина Петра Ивановича, Белова Ивана Николаевича и др., не восстановлены их имена как патриотов, погибших в борьбе с фашистскими захватчиками. В отношении указанных лиц советскими правоохранительными органами уголовных дел не возбуждалось, обвинения им в изменнической и предательской деятельности не предъявлялось (что, кстати, было сделано в отношении И.К. Ковалева). Никаких объективных и вещественных доказательств об их преступной предательской деятельности (как это мне известно) не имеется, кроме отдельных противоречивых и неубедительных высказываний и предположений некоторых подпольщиков о сотрудничестве этих лиц с СД» [6].

Можно согласиться с вышесказанным за исключением одного момента: на Рогова, как на лицо, вставшее на путь сотрудничества с полицией безопасности, указывают сами немцы. Выше были приведены соответствующие немецкие документы. Как к ним относиться? Считать, что немцы на-

писали их с целью компрометации подпольщиков нет оснований, так как предназначались они для руководства в Риге и Берлине, а не для жителей оккупированных территорий Советского Союза. Другое дело, что, выйдя на свободу, Рогов продолжил свою борьбу против захватчиков, за что и был ими казнен. Как быть с этим фактом?

В отношении Белова и Антохина – никаких доказательств их сотрудничества с немецкими спецслужбами нет.

Рогов погиб раньше, чем органы госбезопасности начали расследование его деятельности. Доживи он до освобождения Беларуси, то, вероятнее всего, к нему было бы много вопросов. Ведь Пономаренко и Цанава считали Минский горком, а значит и его военную организацию, «центром, созданным гестапо».

С учетом изложенного логично предположить: Рогов сообщил немцам только ту информацию, которую не мог скрыть, которая стала им известна из других источников, и тем самым завоевал их доверие. Это можно назвать тактической уловкой. Заслуживал ли он за это наказание? Да. Рогов был офицером и от присяги его никто не освобождал.

История Великой Отечественной войны изобилует примерами, когда агенты немецких спецслужб, полицейские переходили на сторону Красной армии, совершали подвиги и удостаивались за это правительственных наград.

Военный совет партизанского движения был создан Роговым и его единомышленниками – офицерами Красной армии уже в сентябре 1941 года. Еще не было никакого Минского подпольного горкома. До образования Центрального штаба партизанского движения оставалось 8 месяцев. А в это время в оккупированной столице Беларуси, куда не добрались эмиссары ни Пономаренко, ни Козлова, ответственного за Минскую область, возник координационный центр. Руководители и члены Военного совета занимались реальным делом: формировали партизанские группы и отряды для борьбы с оккупантами, и остается лишь сожалеть, что они погибли в застенках СД. Эти люди достойны нашего уважения и нашей памяти.

Вернемся к рассмотрению тезиса, увидевшего свет в годы оккупации и растиражированного в послевоенное время. Якобы отсутствие конспирации и бдительности

стали основной причиной провала. В том или ином виде данное утверждение встречается в воспоминаниях подпольщиков, документах МГБ БССР, работах исследователей и писателей. На это, в частности, указывает и историк Э. Иоффе: «Наиболее уязвимым местом в подполье оказался Военный совет партизанского движения, который не соблюдал правила конспирации. Штаб его охранялся вооруженными людьми, а приказы и распоряжения размножались на машинке в большом количестве. В состав руководящего ядра входило недопустимо большое количество людей (до 30 человек), все они часто собирались вместе. В штабе Военного совета проводилось дежурство. Руководители совета порой открыто собирались в штабе большими группами. Велись списки членов организации...» [5, с. 308].

Спорить с тем, что отсутствие конспирации и потеря бдительности создают предпосылки к провалу, не стану. Это очевидно. Однако вне поля зрения исследователей осталось очень важное обстоятельство: Военный совет, о котором «знало чуть ли не пол-Минска», эффективно действовал сначала самостоятельно, а затем в качестве военной организации Минского подпольного горкома с сентября 1941 по март 1942 года.

Кто мешал и мешает исследователям посмотреть, что происходило в других оккупированных регионах СССР? Об этом написано много. Для сравнения рассмотрим ситуацию с организацией подполья в двух крупных городах – Киеве и Одессе.

Киев пал 21 сентября 1941 года. Если посчитать, то у партийного руководства республики было почти 3 месяца для подготовки столичного подполья и партизан. За это время были созданы подпольные структуры в Киевской области и непосредственно в самой украинской столице. Причем в Киеве наряду с основным подпольным горкомом сформировали на случай провала запасной горком партии. Всего там подготовили 9 райкомов партии и 9 райкомов комсомола, 37 подпольных партийных и комсомольских организаций и диверсионных групп. Было подобрано 40 конспиративных и явочных квартир, организовано несколько типографий. В конце сентября подпольный горком провел свое первое совещание в новом статусе. Определили главные направления – политико-массовая работа среди населения и диверсионно-подрывная деятельность, за

организацию которой отвечал специальный штаб. Казалось бы, только работай. На практике же вышло иначе. Среди подпольщиков завелся свой иуда. Первый страшный удар немцы нанесли уже в октябре, то есть меньше чем через месяц после оккупации. Полиция схватила почти всех членов основного горкома (в его состав входило 9 человек, уцелело только 3) и райкомов партии. Из 9 райкомов комсомола остался только один – Советского района. Налаженные связи, явки и квартиры также подверглись разгрому [8, с. 88, 95.]

В Одессе, оккупированной в октябре 1941 года, также одновременно подготовили подполье. Обком и 6 подпольных райкомов партии были сформированы еще в августе. «...Уже на пятый день оккупации лишились своих руководителей Ленинский и Воднотранспортный райкомы, были арестованы также многие другие работники подполья...» [9, с. 134].

Успехи немецких и румынских спецслужб в Киеве и Одессе были обусловлены, прежде всего, наличием предателей среди подпольщиков. Вышеприведенные примеры также показывают, что оккупанты не ждали, когда подполье разрастется, чтобы арестовать большее количество патриотов, а наносили удар сразу. В Киеве и Одессе подполье готовилось в течение нескольких месяцев, будущих подпольщиков обучали правилам конспирации, посвящали в другие премудрости тайной войны. Но от предательства изнутри это не спасло. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Новікаў, І. Руіны страляюць ва ўпор / І. Новікаў // Выбр. тв.: у 3 т. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1988. – Т. 1. – 351 с.
2. Цэнтральны архіў Камітэта дзяржаўнай бяспекі Рэспублікі Беларусь.
3. Доморад, К.И. Партийное подполье и партизанское движение в Минской области, 1941–1944 / К.И. Доморад; ред. И.М. Игнатенко. – Минск: Навука і тэхніка, 1992. – 413 с.
4. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд. 1346. – Оп. 1. – Д. 97.
5. Иоффе, Э.Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 / Э.Г. Иоффе. – Минск: Харвест, 2007.
6. Барановский, Е. ВСПД: ярлык измены / Е. Барановский, В. Горбачева, Г. Данилова [и др.] // Вечерний Минск [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vminsk.by/news/30/21584/>. – Дата доступа: 04.07.2013.
7. Мінскае антыфашысцкае падполле / Аўт.-укл. Я.І. Бараноўскі, Г.Дз. Кнацько, Т.М. Антановіч і інш. – Мінск: Беларусь, 1995.
8. Григорович, Д.Ф. Киев – город-герой / Д.Ф. Григорович – М.: Воениздат, 1952.
9. Карев, Г.А. Одесса – город-герой / Г.А. Карев – М.: Воениздат, 1978.